ПОНЯТИЕ РЕЖИМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Из учебного пособия: ЦЫГАНКОВ А.П. СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ, ДИНАМИКА

"Режим" в системе категорий политической науки

Самый верный путь к тому, чтобы разобраться, какое содержание в современной политической науке вкладывают в понятие режима — проведение его логико-семантического анализа, выяснение его происхождения и основных вех развития. Это большая и сложная работа, по-видимому, нуждающаяся в отдельном исследовании. Но так или иначе, составной частью такой работы должно будет стать сопоставление интересующего нас понятия с такими, получившими распространение понятиями, как "политическая власть" и "государство", "политическая система" и "процесс", "государственный строй" и "форма правления" и др. Посмотрим, как выгладит " режим" с этой точки зрения. В качестве рабочего используем следующее, весьма распространенное, определение: режим есть совокупность властных структур, которые в значительной степени контролируют или задают способы функционирования и воспроизводства политического сообщества (1). Подобные определения легко встретить как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Прежде всего, понятие "режим" следует соотнести с понятием ”власть", занимающим, бесспорно, центральное место в политической науке. Без преувеличения можно сказать, что решение, изучение любой конкретной проблемы в политологии обязательно упирается в проблему политической власти, и поэтому любой, даже кажущийся самым беспристрастным, анализ политической ситуации обязательно содерсит в своем основании то или иное представление о сущности власти. Власть может рассматриваться по-разному, но практически во всех случаях исследователи считают необходимым подчеркнуть, что она представляет собой отношение и включает в себя два основных компонента — приказ и подчинение. "Власть, замечает по этому поводу польский политолог Е. Вятр, — это возможность приказывать, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться" (2).

Власть может осуществляться в двух формах — господства и влияния. Господство представляет собой ситуацию, в которой властвующий обладает способностью добиться выполнения своего приказа, прибегнув для этого, если потребуется, к использованию силы. Влияние не обладает подобной мощью "фронтального" принуждения и осуществляется в значительно более мягких формах. Тем не менее, и в данном случае мы имеем дело с проявлением власти, ибо влияющий оказывается в состоянии (хотя и иными методами) добиться желаемого результата от того, кто выступает в качестве

объекта влияния. Здесь уже требуется иное, более емкое, по сравнению с вятровским, определение власти. Удачным представляется, например, то, которое принадлежит американскому политологу Р. Далю. С его точки зрения "власть А над В есть способность добиться того, чтобы В сделал нечто, чего он никогда не сделал бы без воздействия А" (3).
Рассмотренное таким образом понятие власти оказывается типологически близким понятию политического режима. Различие заключается лишь в том, что режим есть организация власти в масштабах человеческого сообщества, ее структурирование в определенных целях и с использованием специфических методов.
Нередко понятие "режим" сопоставляют с относительно молодым в политической науке понятием "система". Политическая система сделалась предметом исследования приблизительно с середины 50-х годов и особенно обязана в данном отношении американскому ученому Д.Истону, который впервые попытался использовать методы кибернетики и общей теории систем в изучении политики. Один из простых, но весьма важных для политолога выводов системного анализа заключался в том, что политика, политический процесс представляет собой динамическое единство, систему субъектов, позволяющую им реализовать имеющиеся у них способности и намерения (4). Однако, если системная теория задавалась выявлением общих функций политической системы, то политический режим, по мнению, например Р. Макридис, "обозначает специфические пути и средства, какими эти функции могут быть структурированы и встроены в институты и процедуры, а также возникающие в ходе этого специфические взаимоотношения" (5). Очевидно, например, что одна и та же политическая система может, в зависимости от исторических обстоятельств, функционировать в различных режимах. Советская система выступала в этом смысле в разных обличьях в конце 30-х и начале 60-х годов, в начале 70-х и середине 80-х. Кроме того, если "система", по словам того же исследователя, есть понятие обобщающее, аналитическое, играющее в осмыслении политических реальностей роль концептуального ядра, то "режим" способствует эмпирическому описанию этих реальностей.
В таком понимании "режим" оказывается весьма близок "политическому процессу", значение которого тесно переплетено с содержанием системы. Политический процесс, по существу, представляет собой динамический аспект политической системы, он и есть эта система, но представленная в разрезе ее становления, функционирования и развития. При всех различиях в толковании политического процесса практически всегда обращается внимание на его динамическую сторону, способность оживлять, наполнять действием имеющиеся политические структуры и институты. "Политический процесс", — замечает в этой связи А.М. Салмин, — одна из тех универсалий, которые обеспечивают диалог людей и культур, не предопределяя его исхода, подобно тому как общий язык дает возможность собеседникам говорить друг с другом, не обязательно при этом договариваясь" (б). "Тип процесса, характеризующего социальную систему, — формулирует эту же мысль Т. Парсонс, — есть то, что мы называем взаимодействием" (7). Выступая как деятельностное начало, политический процесс в то же время способствует стабилизации политической системы и ее институтов, упорядочивает имеющиеся в них связи и отношения.
Можно сказать поэтому, что понятия режима и процесса объединяет между собой, во-первых, акцентирование динамического аспекта политической жизни, а во-вторых, способность определяемых с помощью данных понятий явлений оказывать на политику

стабилизирующее воздействие. В то же время, режим — лишь одна из характеристик процесса, один из возможных способов его рассмотрения. Сегодня это еще и один, из самых (если не самый) распространенных способов. Но все же "один из". Ибо политический процесс может быть проанализирован и с точки зрения возможных циклов и ритмов, т.е. в его диахронном, стадиальном измерении. Если подходить таким образом, то режим можно определить и как синхронное, структурное измерение политического процесса. Различия здесь вполне очевидны. Одно дело — сталинский режим с характерными для него властными структурами и методами организации политического равновесия, а другое — логика и этапы становления, консолидации и распада режима. Первое относится к режиму, его структуре и поведению непосредственно, а второе — скорее косвенно, помогая, впрочем, понять его исторические границы и особенности эволюции.

Немаловажно уяснить и то, как соотносятся между собой понятия "режим" и "государство". "Государство" — одно из самых древних и употребимых политическими мыслителями понятий, в то время как обращение к категории режима датируется второй половиной XX столетия. Принципиальное понимание государства связано, во-первых, с изучением специализированного аппарата людей, занятых организацией и принуждением в целях управления обществом, а во-вторых, с отнесением к сфере государственной деятельности любого социального действия. В первом случае государство есть лишь определенный политический институт, во втором — устройство политической власти в обществе, то, что позднее получит наименование политической системы. Уже Аристотель достаточно четко разграничил категории "государства" и "государственного устройства". С его точки зрения, "государство (polis) представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей", а "государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства" (8) . Поэтому можно сказать, что понятия "государство" и "государственный строй" являются в известном смысле традиционными аналогами более современных, возникших уже в XX веке понятий "политическая система" и "политический режим". Эти последние лишь подтвердили правильность догадок своих предшественников относительно необходимости комплексного, макросоциального осмысления политических явлений.

Разновидности определений политического режима

В политической науке сложилось, по меньшей мере, две традиции в осмыслении политических режимов. Одна из них связана с политико-правовым, или институциональным подходом, другая — с социологическим. Различия, имеющиеся в рамках данных традиций, весьма существенны, хотя и отнюдь не непреодолимы. В первом случае преимущественное внимание уделяется формально-юридическим, процедурным характеристикам осуществления власти, во втором — ее социальным основаниям и происхождению. Рассмотрим данные определения более подробно.

Ученые, представляющее первое, институциональное направление политического анализа, склонны смешивать "режим" с понятием форм правления или государственного строя. "Политический режим есть система или форма правления", — пишет, например, американский исследователь К. Бекстер (9). Подобная постановка вопроса традиционно была характерна и для французского государствоведения, где монархия и республика различались, главным образом, именно как формы правления, а сам термин "политический режим" считался частью категориального аппарата конституционного

права и связывался с особенностями разделения государственной власти и их соотношени см (10). Соответственно, выделялись режим слияния властей (абсолютная монархия), режим разделения властей (президентская республика) и режим сотрудничества властей (парламентская республика) . Однако, постепенно понятие режима обрело права самостоятельного "гражданства" и уже в 1968 году известный французский ученый М. Дюверже отмечал, что подобная классификация рассматривается французскими политологами как подсобная, в ней видят не классификацию политических режимов, а лишь классификацию "типов правительственных структур" (11).
К этой группе политического анализа примыкают и неоинституциональные разработки, нередко связывающие свое происхождение с именем крупнейшего американского политолога Г. Лассуэла. Особенность понимания режима Лассуэлом связана, прежде всего, с тем, что режим рассматривается им как способ упорядочения, легитимизации политической системы. По словам ученого, "режим ("форма правления", "политический порядок") представляет собой образец политических форм... Режим функционирует для того, чтобы свести к минимуму элемент принуждения в политическом процессе" (12). Любопытно, что Лассуэл противопоставляет режим "правлению", которое, с его точки зрения, включает в себя "пути распределения и реализации контрольных функций в политике". Такое понимание, во-первых, связывает режим, главным образом, с конституционными действиями, а во-вторых, отказывает военным диктатурам в праве называться режимами. Такое понимание позволяет ним причислить Лассуэла и его последователей (таких, как Ф. Риггс, Р. Бейкер и др.) к представителям политико-правового осмысления режимов.
Второе направление политического анализа режимов уделяет первостепенное внимание осмыслению тех связей между обществом и государством, которые сложились реально и не обязательно в соответствии с предписанными конституцией и иными правовыми актами нормами политического поведения. В данном случае режим рассматривается не только как "форма" (будь то правления или государственного устройства) и даже не только как структура власти с присущими ей методами реализации политической воли, но и в гораздо более широком значении — как баланс, соответствие, имеющееся во взаимоотношениях социального и политического. Сам термин "порядок", "режим", по меньшей мере, со времени выхода в свет работы А. Токвиля "Старый порядок и революция" обладает здесь совершенно иным смысловым звучанием.
* Причем, характерно, что на языке оригинала и на английском языке порядок звучит как "regime".

В рамках социологического осмысления режимов имеется значительное разнообразие позиций, что вполне объяснимо, если иметь ввиду обозначенную нами содержательную глубину (чтобы не сказать, "размытость") трактовки самого этого термина. И если псрпос направление политического анализа склонно отождествлять режимы с формами правления и государственного устройства, то представители второго нередко не проводят никаких разграничений между политическими режимами и политическими системами. В то же время практически псе представители данного направления сходятся на том, что режимы не могут быть трансформированы путем изменения

определяющих их существование правовых процедур. Каждый режим покоится на определенной системе социальных оснований, и поэтому переход может состояться лишь только если данные основания принимаются в расчет.
Одно из характерных в данном отношении определений политического режима принадлежит упоминавшемуся уже М. Дюверже, который в одном случае рассматривал его как "структуру правления, тип человеческого общества, отличающий одну социальную общность от другой", а в другом — как "определенное сочетание системы партий, способа голосования, одного или нескольких типов принятия решений, одной или нескольких структур групп давления". В этом же стиле выдержано и определение одного из последователей Дюверже Ж.-Л. Кермопа: "Под политическим режимом понимается совокупность элементом идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период" (13). Режим таким образом предстает как значительно более сложная организация, нежели совокупность юридических механизмов или даже стремления правящего класса. Наконец еще одна формулировка содержания термина "режим", близкая к только что упомянутым и принадлежащая перу американских исследователей Г. О'Доннела и Ф. Шмиттера: режим есть "совокупность структур, явных или скрытых, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, которые считаются для этих структур подходящими или неподходящими, используемые ими ресурсы и стратегии в целях получения желаемого назначения" (14).
В отечественной науке также получила распространение позиция (сформулированная Ф. Бурлацким и А. Галкиным), согласно которой
* В этой связи симитоматично, что известнейший предприниматеть системного анализак политологии Г. Алмонд в своё время предлагал отказаться в целях сравнительного анализа от самой категории "политический процесс", содержательно близкой категории режима (См.: Almond G. Comparative political systems. — Political bibavior. Л render In theory research. Ed. by II Eulau, e.a. Glencoc, 1956) "для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей — с действительной политикой" (15).

Такое понимание вносило существенные коррективы в другое, выдержанное в политико-правовой традиции, понимание, определяющее режим как "систему методов осуществления государственной власти, отражающую состояние демократических прав и свобод, отношение органов государственной власти к правовым основам их деятельности". Как видим, размежевание политико-институционального и социологического подходов не обошло стороной и российскую политическую науку. Подобно представителям западной политической социологии, Ф. Бурлацкий и А.Галкин связывают анализ режимов с выявлением не только моделей поведения, но и социальной природы политической власти. В совокупности же изучение режима требует, по их мнению, ответа на следующие вопросы: "какие группировки господствующего класса находятся у руководства государством; каким методам господства и управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или

косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают в качестве руководящей силы; допускается ли и в каких пределах деятельность институтов социальной борьбы и давления, в частности оппозиционных, революционных партий, профсоюзов и других форм объединений трудящихся; каково положение личности в государстве и т.п.".
К такому пониманию режима близок и М.А. Хрусталев, полагающий, что понимание политического режима отнюдь не сводится к выявлению взаимоотношений между институциональными субъектами политики (для этого, по мнению ученого, существуют категории политического и государственного строя) (16). И хотя "исходным аспектом понятия "политический режим" выступает все та же проблема разделения государственной власти", в данном случае она затрагивает взаимоотношения правящей элиты и массы, "под которыми подразумеваются все социальные субъекты политики, а сама элита...берется как малая социальная группа". Это понимание режима, ставящее на первое место взаимоотношения "элита — масса", в целом вписывается в серию приведенных выше определений, ибо так же как и они, уделяет первостепенное внимание проблеме упорядочения социального (а не только институционального) пространства.
Итог: основные признаки политического режима
На основании сказанного можно выделить следующие **отличительные признаки политического режима.**

Во-первых, режим недостаточно связывать лишь с формой правления. Решая задачи социальной и политической стабилизации, он способствует организации значительно более масштабных, макросоциальных процессов. В этом режим близок по содержанию политической системе, раскрывая ее динамический аспект. Именно на эту сторону деятельности режима обратила внимание политическая социология, в задачу которой изначально входил анализ взаимосвязей политики и социальных процессов. Любой режим в своей деятельности стремится опираться на сложившуюся систему экономических интересов и культурных ценностей, а его действия непременно отзываются внутри этой системы, укрепляя или ослабляя имеющиеся в ней связи и отношения. В этом смысле любой режим обречён решать проблемы взаимоотношений, складывающихся между государством и гражданским обществом. Ведь именно в структурах гражданского общества коренятся отношения правительства и оппозиции, являющиеся ключевыми в характеристике типа и особенностей режима.

Во-вторых, очевидно, что режим обеспечивает не только динамизм, но и определенную стабилизацию политической системы, приводя ее элементы, структурные характеристики в упорядоченное взаимодействие, обеспечивая их слаженность и координацию. И эта задача также решается им успешно лишь в том случае, если политико-правовые механизмы создаются с учетом устройства и особенностей развития социальных структур. Проблема заключается не только в том, чтобы предписать обществу ту или иную "формулу легитимности" (например, президентскую или

парламентскую модель), но и в том, чтобы выявить имеющиеся для ее "трансплантации" социально-исторические предпосылки. Любой режим в этом смысле может быть рассмотрен как некий способ разрешения, или артикуляции конфликта между обществом и правительством (17).

В-третьих, режим, несомненно, представляет собой совокупность властных структур, позволяющих правящему классу осуществлять возложенные на него полномочия. В одних случаях могут существовать институт многопартийности и развитые структуры гражданского общества, в других — политические решения принимаются и реализуются режимом в опоре на принципиально иные структуры и механизмы, без всякого согласования с общественными интересами. Одно из определений режимов, обращающее внимание на эту сторону проблемы, принадлежит известному американскому исследователю Марку Хагопиану. Он рассматривает режим "как специфическую институциональную структуру, которая характеризует политическую систему страны" и деятельность которой шире, чем деятельность правительства или отдельных групп официальных лиц, представленных в институтах (18).
Здесь необходимо иметь ввиду, что режимы, как справедливо отмечается исследователями элит, функционируют не только на основании тех решений, которые принимаются в рамках имеющихся в обществе политико-правовых процедур. Не меньшее значение имеют неформальные механизмы принятия политических решений. По точному замечанию Р. Макридис, "в то время как изучение командной структуры всегда наделяет нас знанием того, каково её формальное устройство, изучение элиты почти всегда обеспечит нас информацией относительно отсутствующих (и иногда более важных) связей в организации, а именно — распределении и границах власти" (19). Опыт различных политических устройств убеждает в том, что понятие господствующего класса не является бессодержательным, а политика нередко "делается" представителями крупных финансовых и промышленных кругов, теми, кто наделен ресурсами политического влияния. Властные структуры поэтому не следует отождествлять лишь с формально-юридическими механизмами осуществления власти. И на эту сторону деятельности режима в той или иной форме обращается внимание практически во всех приведенных выше определениях.

В-четвертых, любой режим в своей деятельности обращается к тем или иным методам достижения целей. Режимы могут существенно отличаться друг от друга, в зависимости от того, какие методы (насильственные или ненасильственные) используются ими в достижении поставленных целей. Важно не смешивать между собой методы осуществления власти и собственно властные структуры. Свидетельством того, что это не одно и то же, служит, например, богатый опыт функционирования авторитарных режимов. Обладающие нередко сходными репрессивными структурами политической власти, авторитарные режимы далеко не всегда обращаются к фронтальному насилию в достижении поставленных целей. В тех случаях, когда более эффективным оказывается использование методов убеждения, а не принуждения, репрессивный по своей природе

режим может, вопреки ожиданиям, оказаться способным проявить "несвойственную" для него гибкость и склонность к компромиссам. Возможно здесь заслуживает упоминания один из методов массовой мобилизации, использованных режимом и, персонально, И. Сталиным в начале отечественной войны с фашизмом. Прямое обращение к нации ("Братья и сестры!"), культивирование национального единства перед лицом общей опасности сыграло не последнюю роль в достижении целей режима, существо которых совершенно не изменилось — всеми средствами сохранять власть. Таким образом, методы осуществления власти и властные структуры могут существенно различаться. Поэтому следует подчеркнуть, что режим обладает не только специфическими структурами власти (ими обладает и политическая система), но и особыми методами ее реализации.

Наконец, в-пятых, режим, по сравнению с системой, обладает своими собственными временными характеристиками. Четче всего этот признак отражен в определении режима, данном американскими политологами Дж. Барнсом, М. Картером и М. Скидмором: "Режим есть специфический период действия политической власти, осуществляемой в рамках политической системы" (20). Мы уже заметили выше, что одна и та же политическая система может функционировать в разных режимах.
Суммируя сказанное, можно сформулировать следующее определение. Политический режим есть совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, "дыхание" политической системы, ее упорядоченная динамика. Таким образом, он весьма близок к политической системе содержательно (на основании общности первого — третьего признаков), что в целом ряде случаев позволяет рассматривать данные понятия как взаимозаменяемые. Из такого понимания мы будем исходить в своих дальнейших рассуждениях. Нам хотелось бы, однако, чтобы читатель имел ввиду два следующих обстоятельства. Первое: данное определение — всего лишь рабочее, и его неверно было бы рассматривать как окончательное. И второе: оно вовсе не является новаторским, ибо все основные его компоненты были уже проанализированы политической мыслью, начиная с Античности.